



## ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

### ГОТОВНОСТЬ К РИСКУ В СООТНЕСЕНИИ С ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

Е. Е. Бочарова

Педагогический институт Саратовского государственного университета  
E-mail: bocharova-e@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования готовности к риску в соотношении с характеристиками осознанной саморегуляции и субъективного благополучия личности.

**Ключевые слова:** готовность к риску, саморегуляция, субъективное благополучие, личность.

**Readiness for Risk in Correlation with Characteristics of the Realized Self-Control and Subjective Well-Being of the Person**

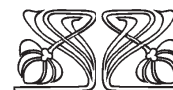
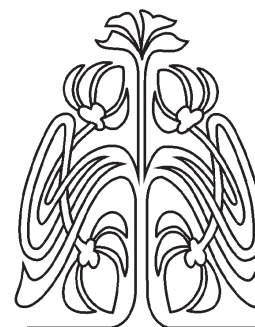
Е. Е. Bocharova

In article results of empirical research of readiness for risk in correlation with characteristics of the realized self-control and subjective well-being of the person.

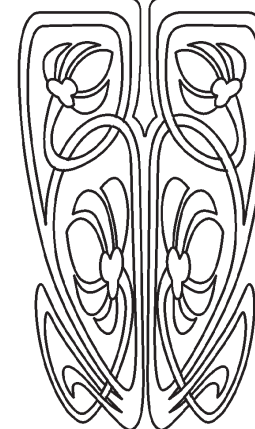
**Key words:** readiness for risk, self-control, subjective well-being, person.

Высокий темп социальных изменений в различных областях общественной практики, нарастание количества ранее не возникавших, неопределенных социальных ситуаций – иными словами, та новая социальная реальность, которая сегодня уже традиционно определяется как социальная нестабильность, – неминуемо предъявляют повышенные требования к ее субъекту. Особую значимость в этих условиях приобретает способность человека оперативно реагировать на внешние изменения социальной среды и гибко регулировать свою активность соответственно значимости этих изменений, принимать решения о том, как действовать в ситуациях неопределенности и риска. Именно поэтому фокус интереса исследователей в последнее время сосредоточен на изучении вопросов психологии риска, в частности тех внутренних факторов, которые обуславливают «рискованность» личности, её готовность к риску как активному противостоянию жизненным обстоятельствам.

В современных психологических исследованиях риска отмечается признание статуса готовности к риску как разноуровневой характеристики. Так, готовность к риску понимается как позитивная характерологическая составляющая «храбрости» (П. Вайнцвайг), личностное свойство, склонность к поиску острых ощущений (Г. Айзенк), симптомокомплекс личностных черт (Ю. Козелецкий), проактивная форма поведения субъекта и активность интеллектуального опосредования принятия решений, характеристика когнитивного стиля человека (О. В. Тихомиров, М. Петцольд, Г. Никель и др.)<sup>1</sup>. В работах В. А. Петровского показано, что готовность к риску в мышлении и готовность к риску на уровне надситуативной активности предполагает разные проявления функциональной активности субъекта в развертывании предвосхищения и процессов опережающего «метаконтроля»<sup>2</sup>. Мышление выступает в качестве процессов,



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ





подчиненных личностной саморегуляции. Вместе с тем, как отмечает Т. В. Корнилова, риск в мышлении можно рассматривать как основание для риска в действии<sup>3</sup>.

Готовность, согласно концепции В. А. Петровского, предстает как динамическое образование, определяемое активностью самого субъекта, связанное с самодвижением деятельности, актуальной причинностью в системе побудительных факторов<sup>4</sup>. Именно «надситуативная активность» фиксирует факт существования таких тенденций, в которых субъект возвышается над ситуацией, преодолевая ситуативные ограничения на пути движения деятельности. Но преодолевая препятствия, ограничения на пути движения деятельности, субъект преодолевает себя, реализуя свои субъектные возможности и потребность преодоления себя в стремлении к общественно задаваемым «мотивам», целям, средствам, реализуя необходимость состояться и утвердиться в своей самости. И в этом плане надситуативная активность личности выступает как самоосуществление ее в отношении к предметному миру, миру людей, своему внутреннему миру. Весьма существенным является и то, что представленность личностной активности связывается с механизмами принятия риска на разных уровнях регуляции – от преодоления реактивного до уровня сознательного и ценностного отношения к принятию риска.

Отметим, что накопленная в психологических исследованиях эмпирическая база подготовила достаточные основания для теоретических обобщений, трактующих готовность к риску как проявление субъектом потенциальных возможностей в управлении им ситуацией в сочетании с неопределенной оценкой самого потенциала этих возможностей. Тогда склонность к риску может означать не отказ от развертывания ориентирования в ситуации, а готовность к самоконтролю действий при заведомой неполноте или недоступности необходимых ориентиров, а также стремление полагаться на свой потенциал. В связи с этим готовность к риску достаточно тесно связана с представлением человека о себе как источнике дальнейшего преобразования ситуации неопределенности, его подконтрольности в субъективной интерпретации причинности развития событий<sup>5</sup>. При высокой оценке собственных возможностей и усилий человек может субъективно оценивать для себя ситуацию как менее рискованную, чем она представляется внешнему наблюдателю. Сознание меры собственных возможностей во многом определяется системой эмоционально-оценочного отношения индивида к различным сторонам своей жизни, деятельности и самому себе, рассматриваемой нами как субъективное благополучие, регулирующее объем и меру активности личности, отражающее потенциальную готовность принятия или избегания риска. При этом оценка своего возможного складывается на основе уже достигнутого. Вместе с тем оценка

своих возможностей и готовность к их реализации проявляются в характеристиках функциональной взаимосвязи регуляторных образований личности.

В работах Т. В. Корниловой было предложено рассматривать готовность к риску как свойство личностной саморегуляции, проявляемое человеком при принятии решений и выборе стратегий поведения в условиях неопределенности<sup>6</sup>. Состоявшийся выбор, по сути, связывается со способностью выдвигать цели своей активности, представлять и выявлять условия их достижения, намечать и использовать различные программы действий, оценивать и корректировать свою активность в зависимости от отношения к достигнутому. Следует подчеркнуть, что выбор одного из возможных вариантов и сам процесс окончательного принятия решения осуществляется намеренно самой личностью, что и определяет психологическую сущность произвольного регулирования как психологически свободного выбора в рамках возможных решений<sup>7</sup>. Таким образом, состоявшийся выбор, решение связывается с проявлением личностью возможностей саморегуляции.

Вместе с тем понимание готовности к риску как реализуемой человеком способности к самоконтролю и саморегуляции при заведомой неполноте информации или недоступности развернутой ориентировки начинает включаться в психологическое понимание рациональности. Как отмечают исследователи, действия человека могут одновременно характеризоваться и как рациональные, и как содержащие фактор риска, поскольку между целедостижением и целеобразованием всегда существует некоторое несоответствие<sup>8</sup>.

Необходимо отметить тот факт, что в современных подходах изначальное толкование риска как свойства необдуманных действий, действий наобум или наудачу (т. е. не подкрепленных рациональной оценкой) претерпевает изменение в сторону отказа от противопоставления рискованных, нерациональных решений и осторожных, осмысленных – опосредствованных рассуждением. Современный контекст понимания риска в целедостижении ориентирован на тезис об ограниченной рациональности человека или мере рациональности в принятии решений. Не менее важным является в данном контексте и то, что сознательные ориентации на конечный результат и сознательный выбор средства его достижения признаются рациональными<sup>9</sup>.

При обращении к рассмотрению готовности к риску как динамическому образованию, определяемому активностью самого субъекта, весьма существенным является то, что осознанная саморегуляция активности субъекта не является исключительно рациональным процессом, реализуемым когнитивными средствами. Будучи не только рационально отражающим действительность, в которую он включен множеством связей и отношений, но и эмоционально относящимся к отражаемому, субъект учитывает свое



отношение ко всему отражаемому в сознании в связи с принятием решения, в том числе и в ситуациях риска. В связи с этим особого внимания заслуживает вопрос о регуляторной роли субъективного благополучия как интегральной формы эмоционально-оценочного отношения человека к самому себе, различным сторонам своей жизни, определяющего характер переживаний, объединяющих чувства и эмоции, особенности восприятия окружающего мира, характер поведенческих реакций на внешние воздействия, стратегий поведения. Непосредственная функция этих переживаний – оценка деятельности как удовлетворительной или неудовлетворительной с точки зрения достижения поставленных целей. Вместе с тем они представляют собой «обратную афферентацию», которая информирует субъекта об успешности достижения «акцептора действия» (согласно концепции П. К. Анохина), а в случае неуспеха сигнализируют о необходимости «перепрограммирования» своей деятельности. Иначе говоря, эмоциональные переживания личности по поводу деятельности выступают как функция обратной афферентации. Они афферентируют активность личности как субъекта, направленную на изменение и оптимизацию деятельности. Неудовлетворенность личности результатами собственной деятельности и собой как главным ее условием есть тенденция к самоизменению, импульс к развитию субъекта деятельности. В этой связи переживание субъективного благополучия (неблагополучия) обеспечивает побудительную регуляцию субъектной активности личности относительно себя и своей деятельности.

Отметим, что результаты ранее выполненного нами исследования свидетельствуют о включенности субъективного благополучия в систему регуляторного процесса, выступающего в качестве одного из механизмов саморегуляции активности личности, проявляющегося в специфике организации субъектом своей активности<sup>10</sup>. В этой связи вполне правомочным является изучение готовности к риску в соотношении с характеристиками осознанной саморегуляции и субъективного благополучия личности.

В качестве диагностического инструментария нами использованы следующие методики: для измерения эмоционального компонента субъективного благополучия шкала субъективного благополучия М. В. Соколовой (ШСБ); для диагностики готовности к риску и рациональности опросник ЛФР (личностные факторы принятия решений) Т. В. Корниловой; опросник ССП В. И. Моросановой (стиль саморегуляции поведения) позволяет измерить представленность в активности человека различных процессов саморегуляции и специфических регуляторных свойств – планирования, моделирования, программирования, оценки результата, общего уровня саморегуляции – и регуляторно-личностных свойств – гибкости, самостоятельности.

Эмпирическое исследование проводилось на пропорционально подобранной выборке по 70 человек (учащиеся 11-х классов общеобразовательных школ г. Саратова), отличающихся уровнем переживания субъективного благополучия (на достоверно значимом уровне).

Результаты сравнительного анализа (по t-критерию Стьюдента) средних значений свидетельствуют о межгрупповых различиях выраженности готовности к риску и рациональности в зависимости от уровня субъективного благополучия. Так, в выборке «благополучных» рациональность представлена более высоким показателем, нежели в выборке «неблагополучных», отличающейся наибольшей выраженностью готовности к риску ( $p \leq 0,05$ ).

Сопоставительный анализ показателей выраженности компонентов саморегуляции в зависимости от уровня субъективного благополучия позволил выявить существенные различия в исследуемых выборках (табл. 1).

Таблица 1

**Выраженность компонентов саморегуляции в зависимости от уровня субъективного благополучия**

Компоненты саморегуляции	Низкий уровень	Высокий уровень	t-критерий Стьюдента
Планирование	5,35	7,02	2,68**
Моделирование	6,72	6,88	0,82
Программирование	7,97	6,06	2,2*
Оценивание результатов	4,81	7,61	2,64**
Гибкость	6	6,72	0,82
Самостоятельность	5	6,97	2,2*
Общий уровень саморегуляции	35,76	25,46	2,82*

Примечание. \* –  $p < 0,05$ ; \*\* –  $p < 0,01$ .

Наибольшая выраженность компонентов «планирование», «оценка результатов», «самостоятельность» наблюдается в выборке «благополучных» ( $p \leq 0,01$ ). Общий уровень саморегуляции в этой выборке отличается наименьшей выраженностью по сравнению с выборкой «неблагополучных» ( $p \leq 0,05$ ). Эти данные можно интерпретировать как свидетельство относительной автономности, независимости в выдвижении и удержании целей, способности адекватно оценивать результаты своей деятельности и степень рассогласования промежуточных результатов. В выборке «неблагополучных» наиболее выраженную представленность имеют показатели «программирование» и общий уровень саморегуляции, наименьшую – «планирование», «оценивание результатов», «самостоятельность» ( $p \leq 0,01$ ). Иначе говоря, «неблагополучным» свойственно проявление тщательной детализации и развернутости разрабатываемых программ способов своих действий для достижения намеченных целей. Вместе с тем



самостоятельное выдвижение целей, адекватная оценка достигнутых результатов и степени рассогласования промежуточных результатов вызывают затруднение. Важное значение имеет и то, что общий уровень саморегуляции отличается наибольшей выраженностью в выборке с низким уровнем благополучия. Очевидно, переживание

неблагополучия, неудовлетворенность собой и результатами своих достижений выступают одним из компенсаторных механизмов саморегуляции активности.

Корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязь изучаемых параметров в исследуемых выборках (табл. 2, 3).

Таблица 2

**Взаимосвязь параметров готовности к риску/рациональности, субъективного благополучия и осознанной саморегуляции в выборке «благополучных»**

Параметры	НЧ	УПД	СЭБ	ПЛ	ПР	ОЦР	М	Г
Готовность к риску	403	–	–	–	320	332	–	432
Рациональность	–	432	234	532	–	–	336	–

Примечание. В таблице представлены достоверно значимые коэффициенты, нули перед коэффициентом корреляции опущены; условные обозначения: НЧ – напряжённость и чувствительность; УПД – удовлетворённость повседневной деятельностью; СЭБ – индекс субъективного эмоционального благополучия; ПЛ – планирование; ПР – программирование; ОЦР – контроль и оценка результатов; М – моделирование; Г – гибкость.

В выборке «благополучных» готовность к риску взаимосвязана с показателями субъективного благополучия – напряжённостью и чувствительностью ( $r = 0,403$ , при  $p < 0,001$ ) – и показателями саморегуляции – программированием ( $r = -0,320$  при  $p < 0,05$ ), оценением результатов ( $r = 0,332$  при  $p < 0,05$ ), гибкостью ( $r = 0,432$  при  $p < 0,05$ ). Вместе с тем выявлена взаимосвязь готовности к риску и рациональности ( $r = 0,227$  при  $p < 0,05$ ). Рациональность коррелирует с показателем удовлетворённости повседневной деятельностью ( $r = 0,432$  при  $p < 0,001$ ), индексом эмоционального благополучия ( $r = 0,234$  при  $p < 0,05$ ) и такими компонентами саморегуляции, как планирование ( $r = 0,532$  при  $p < 0,001$ ) и моделирование ( $r = 0,336$  при  $p < 0,01$ ). Иначе говоря, в выборке «благополучных» со свойственным им проявлением рациональности принятие риска сопряжено с проявлением напряжённости и чувствительности, тщательным продумыванием программ способов своих действий для достижения намеченных целей в соотношении с оценением результатов своей деятельности. Вместе с тем обращает на себя

внимание факт наличия взаимосвязи рациональности и готовности к риску, что свидетельствует о предпочтении «благополучными» разумного риска или ограниченной рациональности. Кроме того, переживание благополучия выступает как некоторый «сдерживающий» фактор проявления стремления к риску.

В выборке «неблагополучных» готовность к риску взаимосвязана с показателями субъективного благополучия – значимостью социального окружения ( $r = 0,452$  при  $p < 0,001$ ), удовлетворённостью повседневной деятельностью ( $r = -0,322$  при  $p < 0,01$ ), индексом эмоционального благополучия ( $r = -0,462$  при  $p < 0,001$ ) – и показателями саморегуляции – планированием ( $r = 0,326$  при  $p < 0,01$ ), программированием ( $r = 0,315$  при  $p < 0,01$ ), моделированием ( $r = 0,342$  при  $p < 0,01$ ), гибкостью ( $r = 0,232$  при  $p < 0,05$ ), самостоятельностью ( $r = 0,199$  при  $p < 0,05$ ), общим уровнем саморегуляции ( $r = 0,236$  при  $p < 0,05$ ). Рациональность взаимосвязана с таким компонентом саморегуляции как оценка результата ( $r = 0,234$  при  $p < 0,05$ ).

Таблица 3

**Взаимосвязи между параметрами готовности к риску/рациональности, субъективного благополучия и осознанной саморегуляции в выборке «неблагополучных»**

Параметры	УПД	ЗСО	СЭБ	ПЛ	ПР	ОЦР	М	Г	С	ОУС
Готовность к риску	-322	452	-462	326	315	–	342	232	199	236
Рациональность	–	–	–	–	–	234	–	–	–	–

Примечание. В таблице представлены достоверно значимые коэффициенты, нули перед коэффициентом корреляции опущены; условные обозначения: УПД – удовлетворённость повседневной деятельностью; ЗСО – значимость социального окружения; СЭБ – индекс субъективного эмоционального благополучия; ПЛ – планирование; ПР – программирование; ОЦР – контроль и оценка результатов; М – моделирование; Г – гибкость; С – самостоятельность; ОУС – общий уровень саморегуляции.





В этой выборке отмечается повышенная активность в целеполагании на фоне проявления тщательной детализации и развернутости разрабатываемых программ способов своих действий для достижения намеченных целей, поиска источника информации об условиях, учет которых необходим для определения программы реализации деятельности на фоне проявления критичности, взвешенности в оценивании результатов своей деятельности. Однако проявляя гибкость и самостоятельность, личность с низким уровнем благополучия не исключает поддержки окружающих.

Необходимо отметить различия в количестве связей между готовностью к риску, рациональностью и компонентами саморегуляции в зависимости от уровня переживания субъективного благополучия. Так, обнаружено большее количество взаимосвязей показателей готовности к риску и компонентов саморегуляции в выборке «неблагополучных» (6 связей), нежели «благополучных» (3 связи). Иначе говоря, система саморегуляции неблагополучных, проявляющих готовность к риску, отличается большим количеством значимых межкомпонентных связей, что свидетельствует о взаимодействии всех функциональных компонентов системы саморегуляции. Очевидно, что готовность к риску определяется в большей степени не абсолютными значениями (выраженностью) тех или иных показателей саморегуляции, а изменением структуры взаимосвязи её компонентов. Между тем переживание субъективного благополучия, неудовлетворенности собой выступает внутренним условием, активизирующим процесс саморегуляции в ситуациях принятия риска. Иначе говоря, переживание субъективного благополучия актуализирует специфическую активность в ситуации выбора, отражающую возможности саморегуляции и в целом личностный потенциал в реализации человеком рискованных решений или действий.

Необходимо подчеркнуть, что полученные данные не могут рассматриваться как полное решение проблемы детерминации «рискованных» проявлений активности личности – они представляют собой определенные ориентиры для дальнейшего изучения проблемы готовности личности к риску.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие адаптационных способностей выпускников школы в процессе взаимодействия с образовательной средой» (грант № 11-06-00716а).*

#### Примечания

- 1 См.: Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979. 262 с.; Тихомиров О. В. Принятие решения как психологическая проблема // Проблемы принятия решения. М., 1976. С. 77–81; Petzold M. Kognitive Stile: Definitionen, Klassifikationen und Relevanz eines psychologischen Konstrukts aus wissenschaftshistorischer Sicht // Psychologie, Erziehung, Unterricht. 1985. Bd. 32. S. 161–177.
- 2 См.: Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М., 1992. 326 с.
- 3 См.: Кулагина Е. И., Корнилова Т. В. Мотивация, рациональность и готовность к риску в личностном профиле риэлторов // Вопр. психологии. 1995. № 2. С. 105–112; Корнилова Т. В. Диагностика «личностных факторов» принятия решений // Вопр. психологии. 1994. № 6. С. 99–109.
- 4 См.: Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М., 1992. 326 с.; Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д., 1996. 268 с.
- 5 См.: Корнилова Т. В. Диагностика «личностных факторов» принятия решений.
- 6 Там же.
- 7 См.: Прыгин Г. С. Психология самостоятельности. Ижевск; Набережные Челны, 2009. 408 с.
- 8 См.: Корнилова Т. В. Диагностика «личностных факторов» принятия решений.
- 9 См.: Петровский В. А. Личность: феномен субъектности. Ростов-н/Д., 1993. 67 с.
- 10 См.: Бочарова Е. Е. Структурная организация саморегуляции в зависимости от уровня субъективного благополучия личности // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 64–69.